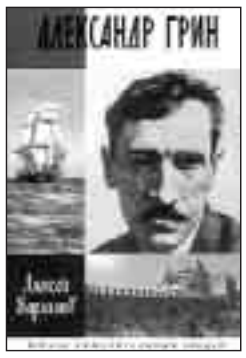
СМ КНИЖНЫЙ РЯД

ВЕЧНЫЙ РОМАНТИК

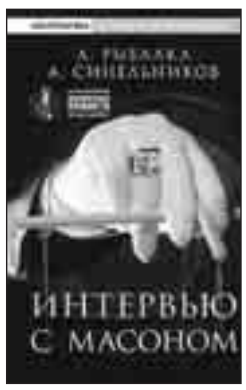


Многие считают **Александра Грина** одним из выдающихся русских писателей прошедшего века. Его не спутаешь ни с кем, а сюжеты книг оригинальны и незабываемы. Он сумел создать особый литературный мир. Герои Грина, как и сам автор, были настоящими романтиками, рыцарями, защищающими добро и справедливость. Увы, сегодня в чести иные «добродетели», и Грина знают в лучшем случае по имени или по названию фильмов - экранизаций его произведений. Литературовед **Алексей Варламов**, исследуя творчество писателя, сумел воссоздать живой образ этого неординарного человека. Работа вышла в серии «ЖЗЛ» издательства «Молодая гвардия».

ЗВЕЗДЫ ПАДАЮТ

Героиня нового романа **Светланы Успенской «Ангел в эфире»** (издательство «Центрполиграф») - звезда телеэкрана. Внешне ее жизнь сплошной праздник, но тот, кто знаком с закулисным миром телевидения, так не подумает. Захватывающий сюжет романа построен вокруг семейного конфликта героини. Бывший муж решает отнять у нее ребенка, она зовет на помощь человека, готового ради нее на все... Но вот все тревоги позади, враги побеждены, наступает мир. Что же мешает им насладиться, почему простое женское счастье дается такой большой ценой?

ТАЙНАЯ ЛОЖА КАМЕНЩИКОВ



Работа **Александра Рыбалки и Андрея Синельникова «Интервью с масоном»** (издательство «ОЛМА-пресс») - новый взгляд на историю. Кто такие масоны и действительно ли они всемогущи? Как выглядит масонский храм, что там внутри? Зачем тамплиеры прорыли катакомбы в Иерусалиме и правда ли, что доллар - изначально масонская купюра?

Факты, приведенные в книге, ломают привычные представления о масонах и их роли в истории. Исследование помогает переосмыслить привычные утверждения, по-иному посмотреть на известные события.

ШЕСТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ НАЗАД

Тогда Европу покрывали труднопроходимые леса. А жившие в них племена вели отчаянную борьбу за выживание. И далеко не всегда она заканчивалась победой людей...

Роман **Мишель Пейвер «Брат Волк»** (издательство «РОСМЭН») продолжает традицию Редьярда Киплинга, чьи этнографические записки, облеченные в форму сказки, почти сто лет остаются любимым чтением детей. Книга «Брат Волк» напоминает еще одно произведение, которым еще недавно зачитывались дети, - «Приключения доисторического мальчика» Д'Эрвильи. Уверен, что «Брат Волк» войдет в число детских книг-бестселлеров в России, как это уже случилось в 13 странах мира.

Николай МОДЕСТОВ

110 лет назад родился великий русский поэт Сергей Есенин

«ГОСТЬ СЛУЧАЙНЫЙ»

Объехав всю Европу и побывав в Америке, поэт в письме другу Анатолию Мариенгофу обмолвится: «Лучше всего, что я видел в этом мире, это все-таки Москва». Из двухсот адресов Белокаменной, где когда-то бывал Сергей Есенин, этот адрес - Большой Строченовский переулок, 24 - особый. Здесь в Замоскворечье, в двухэтажном деревянном доме Сергей Есенин прожил более семи лет.

Впервые он перешагнул его порог в 1911-м, приехав из церковной учительской школы в Спас-Клепиках в гости к отцу. А год спустя он переберется сюда на постоянное жительство и на отцовский вопрос о планах на будущее ответит твердо: «Я поэт. Стихи меня будут кормить»...

Отец поэта Александр Никитич Есенин обосновался в Москве давно и прочно. С 12-летнего возраста начинал служить в лавках мальчиком и за 30 лет службы вышел в старшие приказчики - должность немалая: на нынешний манер что-то вроде директора магазина. Жил он в доме своего хозяина, купца Н.В. Крылова - владельца бесчисленных мясных и овощных лавок здесь же, на Строченовском, и на соседнем Стремянном переулке, и на улице Щипок. Отцовская квартира № 6 - просторная, трехкомнатная. Соседи - тоже крыловские приказчики... И вдруг - поэт! Александр Никитич был тоже поэт в своем роде, но - коммерции, и готовил для сына надежное поприще. Сергей же проявил независимость, устроившись на работу в Сытинскую типографию помощником корректора (подчитчиком), и вскоре опубликовал первые стихи, сразу сделавшие его известным. С каждым годом известность росла, ширилась, обретая всероссийский размах. Мирно и ладно текла жизнь в комнатке на Большом Строченовском за самоваром - непременно горячим, ставившимся на стол, когда поэт брал бумагу и перо, с переливчатой гармоникой по вечерам...

В 18-м году крыловский дом реквизировали, и Сергей Есенин оказался на улице. Все последующие годы - годы скитаний, все новые адреса - временные. А этот, в Большом Строченовском, был и остался единственным

официальным адресом поэта... Давно уже его почитатели проторили дорожку в рязанское Константиново, на родину Есенина, где провел он детство. Но поэтом Есенин стал в Москве... Да, крестьянский поэт и... москвич, денди. Фрак и цилиндр носили безукоризненно (по отзывам современников) два москвича: Шаляпин и Есенин. Его узнавали на улице прохожие в те времена, когда в газетах не принято было помещать портреты поэтов... Но за внешним аристократическим лоском был и аристократизм духа - образованность, знание современных языков, латыни, древнегреческого, литературы, философии, истории...

Нам трудно представить живого московского Есенина. В музее на Большом Строченовском несколько секунд кинохроники, запечатлевших поэта, видимо, случайно, растянуты на минуты - почти вечность, из которой смотрит безумно красивый человек с почти античными чертами. Ничего «типично» деревенского. Другой Есенин - на карандашном портрете Владимира Юнгера, 1915 года. Асимметричный углубленный лик мыслителя... Сколько ему? 40? 80? Он мог быть таким и в 40, и в 80, если бы сумел дожить...

И этот старокупеческий дом в Строченовском, ставший музеем Есенина, двухэтажный, обшитый тесом, кажется, уже сама древность, если бы не надпись на мемориальной доске: «2-я половина XIX в. 1992 г. - воссоздан»...

Воссоздан... Лет пятнадцать назад он был еще жив и всеми половицами, проемами окон, массивными дверными косяками помнил поэта. У Крылова было четыре подобных дома в Москве. Уцелел лишь есенинский. И казалось, судьба - быть музею. Общественность поторопилась прибить дощечку: «Здесь будет музей Есенина». Рядом один за другим «вылупливались» новорусские фасады офисов на Строченовском. А есенинский мещанско-купеческий дом, скромно, по-деревенски притаившийся во дворе, полубесхозный, в самом начале 1990-х годов вспыхнул...

Директор музея Светлана Николаевна Шетракова и сейчас уверена: был поджог. Дом восстановили, правда в камне, сохранив деревянным лишь фасад. Первый этаж - 99,8 кв. м - отдали под есенинский центр. Трудами Светланы Шетраковой, Авета Тавризова и племянницы поэта Светланы Есениной он превратился в музей. Комната Есенина, насыщенная предметами той эпохи, небольшой концертный зал, стенды... В 1996 году музей был подарен Москве. Тогда же стал государственным. Тут книги поэта, дорогие ему фотографии, рисунки, рукописи...

Но мемориальная, есенинская, комната - одна. За большим стеклом и железная кровать с лоскутным одеялом, и этажерка с бюстом Пушкина, и непременные самовар и гармоника, и огромный кованый сундук, который директор Светлана Николаевна Шетракова привезла сюда с другого конца Москвы на тележке (не было денег на машину). Остальные комнаты - символическое пространство, с деревянными скрещенными стропилами над головой посетителей. Кажется, этот крест - над Россией, над русской деревней, над пепелищем сгоревшего дома.

В красном углу «...божница старая, лампады кроткий свет». Родовую есенинскую икону Казанской Божией Матери Авет Тавризов привез сюда из Спас-Клепиков... Не раз поэт вспомнит эту «старую божницу» и порадуется: «Как хорошо, что я сберег те... ощущенья детских лет...» Порадуется незадолго до кончины, когда затравленный поэт, несколько раз арестованный (за «антисемитизм»), уезжает на юг России, на Кавказ, возвращается обратно, но уже в Ленинград, избегая Москвы и возможного ареста, и где в гостинице «Англетер» свершится непоправимое... Мы и сейчас гадаем: что там произошло? А церковь не гадала тогда - церковь Есенина отпела...

У московского дома Есенина сохранился неохватный могучий тополь. Может, он один после всех дворовых перестроек и помнит Есенина? «Может, и помнит, - соглашается со мной Светлана Николаевна, - но тополя растут быстро». И, добавлю, умеют хранить тайну. Он, еще не облетевший, приветливо машет гостям изжелта-зеленой листвой и на что-то надеется...

Александр АСТАФЬЕВ

Музея Гоголя пока нет. Зато есть его мемориальные комнаты, расположенные в особняке на Никитском бульваре, где писатель провел последние дни, а теперь расположилась библиотека его имени.

МУЗЕЮ ПИСАТЕЛЯ - ОТ ОПАЛЬНОГО ХУДОЖНИКА

В 2009 году будем праздновать 200-летие со дня рождения классика, и к этой дате здесь уже готовятся. А известный художник, профессор Элий Белютин на днях подарил библиотеке несколько подлинных вещей, принадлежавших семье Гоголя.

Внимание профессора к гоголевскому мемориалу давнее: еще четверть века назад Элий Михайлович пытался передать народу эти вещи, среди которых - кабинетный диван, кресло и даже две картины, вышитые матерью писателя. Но не получилось: наш народ - в лице тогдашнего российского министра культуры Мелентьева - от кого попало подарки принимать не мог. А художник Белютин к тому времени в чиновных кругах был известен в основном тем, что его распекал руководитель страны на выставке в Манеже: ну не понимал Хрущев такого искусства! Вот министр и высказался в том смысле, что никаких даров от махрового формалиста и космополита страна не возьмет.

Тем временем на гоголевской родине, в украинской Васильевке, открылся музей-усадьба писателя. И земляков писателя не смутила личность дарителя. В результате стол, пара кресел да кое-что по мелочи отправились на юг, где и были с благодарностью приняты.

Прошли годы, профессор все так же верен своим творческим принципам, а вот времена изменились, и на этот раз страна отнеслась к подарку благосклонно.

Но откуда у профессора гоголевские вещи? Сам Элий Михайлович сейчас в отъезде, на очередной своей зарубежной выставке, и ситуацию прокомментировала его жена, историк и искусствовед Нина Михайловна Молева:

- Тут такая история. Денег в семействе Гоголей вечно не хватало, и родители Николая Васильевича вынуждены были пользоваться гостеприимством дальнего родственника матери - Дмитрия Трощинского, екатерининского вельможи, который жил неподалеку, в богатом имении Кибинцы. Отец Гоголя сочинял комедии на бытовые темы и при этом был неплохим режиссером, мать же имела незаурядные актерские способности. Трощинский, подражая дворцовым обычаям, завел собственный театр, душой которого и стала чета Гоголей. Даже отвел им отдельный флигелек в своем поместье. Вот туда и ездил маленький Николай Васильевич с родителями.

Гоголь-младший подрос, уехал в Нежинский лицей, а хозяин усадьбы вскоре окончил свои земные дни. Когда наследники пустили обстановку флигеля с молотка, купил ее начальник соседней железнодорожной станции Ромодан Никита Иванович Курбатов, прадед Белютина. Не сказать, чтобы эта мебель была ему нужна: купил он ее только из уважения к имени писателя, хоть и сам был небогат. В конце концов мебель пригодилась: когда его младшая дочь Мария выходила замуж, эта мебель стала ее приданым. С ней она и приехала в Москву, где вышла замуж за художника и собирателя произведений искусства Ивана Егоровича Гринева. Он тоже этими вещами интересовался мало, но все же берег.

Интересно, что в мемориальных комнатах писателя его личных вещей почти нет, однако собрано много экспонатов гоголевской эпохи, принесенных москвичами. Когда музей открывался, Элий Михайлович (видно, по недосмотру властей) все-таки подарил кое-что: чернильницу Гоголя, которую писатель всюду возил с собой, игольницу и книги. В том числе миниатюрную книжицу, изданную в 1840 году, под названием «Как выводить клопов». Недаром же Пушкин писал, что «на станциях клопы да блохи заснуть минуты не дают»...

- В России до сих пор нет музея Гоголя, - говорит Н. Молева. - И мы с нетерпением ждем, что к юбилею в столице наконец-то появится мемориал, подобный Пушкинской квартире на петербургской Мойке.

Евгений КРУШЕЛЬНИЦКИЙ

МЕЛКИЕ СУВЕНИРЫ В РАЗУМНОМ КОЛИЧЕСТВЕ...

Вряд ли кто сегодня об этом вспомнит, но именно в 1935 году, когда утверждался сталинский генплан реконструкции Москвы, известный зодчий Алексей Щусев занимался не только архитектурным благоустройством Смоленской и Ростовской набережных, а принял также участие в конкурсе проектов моста через бухту Золотой Рог в зарубежном Стамбуле. Эскиз этого моста, выполненный Щусевым в содружестве с Евгением Лансере, - один из экспонатов выставки «Чужие города», которой московская галерея «Ковчег» открыла свой XVIII выставочный сезон. «Попадая за границу, советский архитектор невольно начинает изучать архитектуру и строительство европейских городов», - справедливо писал Щусев. Однако пафос открывшейся в середине сентября выставки - не архитектурно-этнографический. Ведь искусство размещается не только в пространстве истории, в нее встроена еще и география.

Осень - конец сезона отпусков и туристических поездок, и «Ковчег» решил обратиться к опыту внимательных путешественников, оставлявших свои впечатления на бумаге и холсте. Выставка представляет московских авторов разных поколений, многие из которых немало сил положили на запечатление жизни и топографии российской столицы.

Есть тут и художники, известные публике как сугубо московские пейзажисты, однако устроители выставки в галерее «Ковчег» выделили именно жанр «рисования на чужбине». Предпочтение отдавалось развернутым и прочувствованным сериям. Любопытно взглянуть, как традиции отечественного искусства работают в сочетании с нетривиальными мотивами - будь то японские сюжеты Варвары Бубновой, пейзажи послевоенного Порт-Артура, исполненные Борисом Чернышевым, израильские холсты из наследия живописца Михаила Иванова, Италия одного из «кукрыниксов» Николая Соколова, Испания рубежа 1980-х Михаила Рудакова, Германия Петра Дика, буквально вчерашняя парижская живопись наших современников Константина Сутягина и Александра Н. Шевченко, Италия и Шотландия Ники Гольц и Татьяны Лившиц. Есть и совсем недавно исполненные виды Америки: нью-йоркские рисунки Павла Шевелева и акварели Алексея Неймана, воспитанника знаменитого Владимира Вейсберга.

Владимир ПОТРЕСОВ